SlavVaria 1/2026. 93–105
DOI: 10.15170/SV.1/2026.93

ЙОСИП УЖАРЕВИЧ
(Загреб, Хорватия)

Чувства опричника[1]

Аннотация: В статье исследуются виды чувств в двух романах Владимира Сорокина – «День опричника» и «Сахарный Кремль». Там обнаруживаются чувства гротескного и негротескного происхождения. В данных произведениях ставятся под знак вопроса все традиционные национальные ценности, кроме языка и чувств.

Ключевые слова: В. Сорокин, «День опричника», «Сахарный Кремль», чувства

1. Вводное замечание

В данном разборе речь пойдет о «психопоэтических» аспектах романа Сорокина «День опричника», изданном в 2006 г. При этом надо иметь в виду, что с «Днем опричника» связан второй роман Сорокина – «Сахарный Кремль» (2008). Эти два произведения можно трактовать как своего рода дилогию: их сюжет относится к 2028 году, а частично пересекаются персонажи и тема опричнины.[2] В связи с нашей установкой на изучение *чувств* надо подчеркнуть факт, что «День опричника» написан с точки зрения главного героя – опричника Андрея Даниловича Комяги, т.е. повествование ведется «изнутри», от имени нарративного Я. С другой стороны, в «Сахарном Кремле» события передаются глазами «всезнающего» повествователя, а структура романа представляет собой коллаж рассказов, в которых изображаются разные персонажи и разные сюжеты, но все они связаны мотивом Кремля, сделанного из сахара, а также временем происходящего. В последней главе «Сахарного Кремля» описана гибель опричника Андрея Комяги, который в этом романе, как уже было упомянуто, является только одним из персонажей (т.е. он фигурирует только в одной главе), в то время как во «Дне опричника» он является центральным персонажем. В той же главе «Сахарного Кремля» указывается и на «уход» главы опричнины – Бати. Эти «уходы» знаменуют смену двух поколений опричников – молодых и старых.

[1] Статья написана в рамках проекта «Русские литературные трансформации с 1990 по 2020» Хорватского фонда науки (Transform IP-2020-02-2441).

[2] Об исторических метаморфозах опричниниы см. СТЕПАНОВ 2004: 639.

2. Чувство государственности и государственность чувств

Для нашей темы особо интересны те эмоции и чувства, которые являются коллективными, массовыми, общенародными и которые, как правило, подвергаются гротескной обработке. Они представляют собой результат воздействия на человеческую психику религии, школьной системы, народной истории, идеологических концепций, культурной памяти. Такие эмоции можно – с точки зрения сорокинских романов – назвать «государственными». Но у Сорокина в то же время обнаруживаются, как мне представляется, и индивидуальные человеческие чувства, а также патриотичность в самом серьезном, не гротескном смысле слова.

Как уже упомянуто, романы «День опричника» и «Сахарный Кремль» опубликованы в 2006 и 2008 гг., но их сюжеты развертываются в недалеком будущем, и соотносятся с относительно далеким прошлым (концом 15 и второй половиной 16 вв., т.е. с эпохой Ивана III и его внука Ивана IV Грозного). Происходит смещение времен: общественно-государственный строй XV и XVI веков возобновляется в конце второго десятилетия XXI века, а временем написания является реальная Россия начала XXI века. Ведущая идея таких временных сдвигов – это, судя по всему, выявление своего рода сверх-временных или, точнее, пан-хронных «констант» не только русской государственно-общественной истории, но и народной психологии, культуры, языка.

Сатирическо-гротескное освещение, которое явно преобладает на сюжетно-стилевом уровне, все-же не надо считать ни единственным, ни, как кажется, фундаментальным. Здесь надо согласиться с автором, когда он возражает против сведéния содержания «Дня опричника» к политической сатире: «Мне кажется, что это все-таки художественное, а не сатирическое произведение. Я не ставил себе никаких политических целей, но если кто-то прочтет повесть как политическую сатиру, я не против. Но я хотел сделать нечто большее чем политическая сатира. Цель сатиры – настоящее, а моя повесть – это скорее попытка такой художественной футурологии, осуществляемая при помощи художественных средств» (СОРОКИН 2006: URL).

Институт опричнины, представленный в рассматриваемых произведениях Сорокина, в историческом плане соотносится, как уже отмечено, с эпохой Ивана Грозного (об Иване Грозном см. UŽAREVIĆ 2020: 73–103), а в идеологическо-структурном плане он тесно связан с представлением о двух типах государственных врагов – внешних и внутренних: «Всегда были враги у государства нашего, внешние и внутренние, но никогда так яростно не обострялась борьба с ними, как в период Возрождения Святой Руси» (СОРОКИН 2008а: 38). При этом нельзя сказать, какая вражда является более вредной и опасной для государства – «чужеродная извне» или «бесовская изнутри»: «И ежели внешним врагам уготовано в бессильной злобе грызть гранит Великой Русской Стены, то внутренние враги России изливают яд свой тайно» (СОРОКИН 2008б: 76–

77). Как видно, защиту от внешних врагов должна обеспечить постройка Западной Стены, а против внутренних врагов борются опричники и другие охранительные службы: Тайный Приказ, Внутренний Круг, полк Кремлевский, Стрелецкий Приказ.

Государь и Государство понимаются – с точки зрения опричников – как большая семья: «все мы дети Государевы, и все имущество наше ему принадлежит! И вся страна – его!» (СОРОКИН 2008a: 209). Государь приравнивается Отцу[3] и, более того, Богу: «А Государь все видит, все слышит. И знает – кому что надобно» (СОРОКИН 2008a: 103).

Опричники безоговорочно и старательно выполняют «Государево слово и дело». В большой государственной «семье» они определяют себя как «братство», а не как «орден», т.е. не как административно понятую охраняющую организацию, а как кровно-идеологическое родство. Они узнаются уже по своей униформе-одежде, похожей на монашескую. Символами собачьей верности и устрашающей эффективности опричников являются свежо отрубленная собачья голова, которая помещается на бампере четырехсотсильных «мерседесов», и стальная метла на багажнике: «псом выгрызать измену, метлой выметать крамолу» (НЕВЯРОВИЧ 2012).

Поэтому, смотря с точки зрения самой системы власти, опричнина выступает не как функция или простой рычаг власти, а как судьба, как фатальное пред-определение. Дело в том, что опричники свое бытие отождествляют с бытием России: «А покуда жива опричнина, жива и Россия. – И слава Богу» (СОРОКИН 2008a: 223). Таким образом, речь идет о чем-то гораздо большем, чем эмоции, чувства и жизнь отдельного человека: «В опричнину не уходят. Ее не выбирают. Она тебя выбирает. Или, точнее, как говорит сам Батя, когда подопьет-понюхает: »В опричнину вносит, как волной«. Ох, как вносит! Так внесет, что голова закружится, кровушка в жилах закипит, в очах сполохи красные замелькают. Но и вынести может волна та. Вынесет в одночасье, бесповоротно. Вот это – хуже смерти. Из опричнины выпасть – все одно что обе ноги потерять. Всю жизнь потом не ходить, а ползать придется…» (СОРОКИН 2008a: 42). Так думает, и чувствует, высоко поставленный опричник Андрей Данилович Комяга, предчувствуя собственный скорый конец.

2.1. Чувство иерархии

Одним из самых наглядных проявлений или подвидов *чувства государственности* является *чувство иерархии*. На вершине опричной ценностной пирамиды помещается Государь. Он во «Дне опричника» напоминает Великого Брата из романа «1984» Джорджа Оруэлла: все знает, всех видит, все слышит и все понимает. С поданными Государь

[3] О фигуре Сталина – отца родины и народа ср. GÜNTHER 2023.

общается только посредством технологических средств, т.е. в виде голограммы. Отношение *Государь-отец – опричники-дети* основывается на инфантильно-религиозном духе опричнины.

С чувством иерархии тесным образом связано чувство любви и преданности опричников к Государю. Нарратор Комяга говорит о «любимом лице с темно-русой бородкой и тонкими усами», о «до боли родном лице», о Государе, который «смотрит на нас своими выразительными, пристальными, искренними и пронзительными серо-голубыми глазами. Взгляд его неповторим. И за этот взгляд я готов не колеблясь отдать жизнь свою» (СОРОКИН 2008а: 53).

Верховная инстанция власти – Государь – вместе с чувством любви и преданности вызывает у опричников и чувство страха-благоговения. Здесь больше всего навязывается сравнение Государя с Богом. Показательна в этом отношении сцена объяснения-расплаты Государя с его зятем графом Урусовым: «Не клянись, – произносит вдруг так, что у нас у всех волосы шевелятся. И не крик это, и не скрежет зубовный, а действует – как щипцы каленые. Страшен гнев Государев. А еще страшнее, что никогда Государь наш голоса не повышает» (СОРОКИН 2008а: 55). Граф Урусов, «пред голосом сим белеет, словно гимназист второй степени перед директором» (СОРОКИН 2008а: 56). Страх при этом охватывает не только зятя, но и опричников: когда образ Государя исчезает, они облегченно переглядываются. Нетрудно в данной сцене увидеть смешивание религиозно-детского «страха Божьего» и благоговения перед Богом…

С другой стороны, и сами опричники, которые слово и дело Государево творят, должны с помощью пыток «страх на врагов государства наводить» (СОРОКИН 2008б: 94). Строгая иерархичность наблюдается и во внутренней организации опричнины, несмотря на «братские» отношения опричников. Первым и неприкосновенным опричником является Батя: «Ступает Батя первым, а мы [правое крыло, левое крыло, молодые опричники] по положению за ним» (СОРОКИН 2008а: 186). Комяга, например, занимает четвертое место от Бати справа, что свидетельствует о высокой его позиции в системе опричнины.

2.2. Чувство гордости – государственной и патриотической

Кульминация государственно-патриотических чувств в обоих романах – и во «Дне опричника, и особенно в «Сахарном Кремле» – связана с московским Кремлем. Опричное сознание определяет Кремль как «сердце земли Русской», как «престол», «средоточие всей России-матушки». Комяга свое чувство передает следующими словами: «Чуден Кремль при ясной погоде! Сияние исходит от него. Слепит глаза Дворец Власти Российской так, что дух захватывает» (СОРОКИН 2008а: 103). Дальше следует насыщенный патриотическими эмоциями цунами символов российской власти: «За рафинад Кремля, за державных орлов, флаг, за

мощи правителей российских, в соборе Архангельском упокоенные, за меч Рюрика, за шапку Мономаха, за Царь-пушку, за Царь-колокол, за брусчатку площади Красной, за Успенский собор, за башни Кремлевские не жалко и жизнь свою положить. А за Государя нашего – и другую жизнь не жалко. – Слезы навернулись…» (СОРОКИН 2008а: 108). И в «Сахарном Кремле» мы наталкиваемся на такое же восхищение «сердцем земли Русской», которое отец сегодняшнего Государя в свое время покрасил в белое: «чтобы душа трепетала, чтобы сияла душа, золотом света сияла, света великого, кремлевского, и все люди будут счастливы во веки веков токмо научатся правильно смотреть на Кремль белый» (СОРОКИН 2008б: 230).

Чувство государственности укрепляется и эмоциями, связанными с посещением Комяги Тайного Приказа: «И входим в Тайный Приказ. Каждый раз, когда вхожу под своды его, серым мрамором обделанные, с факелами да крестами, *сердце перебой делает, и стучит уже по-другому. Другим стуком, особым. Стуком Тайных дел государственных*» (СОРОКИН 2008а: 44; курсив мой, *Й. У.*). Является ли в данном случае душевное состояние Комяги настоящим или гротескным? Ответ на этот вопрос, по-видимому, не однозначен. То есть: не может быть сомнения в том, что здесь речь идет о довольно сложном, противоречивом чувстве, в котором сочетается, с одной стороны, страх-трепет, а с другой – сарказм. При этом страх-трепет-почитание надо отнести к повествовательному Я (Комяге), а сарказм – к повествовательному Сверх-Я (т.е. к «образу автора» или «третьему в диалоге» – структурно не выраженной оболочке произведения).[4] Если согласится с таким положением дел, то тогда вряд ли можно говорить о «смерти автора» у Сорокина.

3. Антигосударственные чувства

Раньше мною было отмечено, что в сорокинском понимании государственного механизма необходимым элементом является институт изменников и изменничества. В рассматриваемых романах изменниками являются поэты-эмигранты, а также внутренние и иностранные либералы. «Наши либералы» отрицательно относятся к самодержавному устройству Государства, и в то же время являются главным источником отрицательных оценок-эмоций опричников и других представителей власти. Комяга у либералов отмечает следующие характеристики: глумление, насмехательство, презрение, двурушничество, сомнение, недоверие, зависть, злобу, бесстыдство.

Кроме у эмигрантов и либералов, неприязнь к власти наблюдается и в народе. Супруга Государя, против которой «сказитель народный, баян и былинник» Артамоша пишет обличительные былины, следующим образом объясняет Комяге механизм народной ненависти к власти, и к ней

[4] О Сверх-Я в лирике см. UŽAREVIĆ 1991: 124–142.

лично: «Завистливы они, потому как раболепны. Подъелдыкивать умеют. А по-настоящему нас, властных, не любят. И *никогда* уже не полюбят. Случай представится – на куски разорвут». Сама Государыня рисует механизм распространения нелюбви к себе следующим образом: «Это жены столбовые, мне завидующие, юродивых настраивают, а те народ мутят. От жен столбовых через юродивых в народ ветер крамольный дует» (СОРОКИН 2008а: 168-169). Схема получается довольно простая и по-женски убедительная: *жены столбовые → юродивые → народ → Государыня*. Изложенная теория народной ненависти к власти звучит здесь не только правдиво (особенно в той части, где говорится о готовности народа разорвать властвующих на куски), но и гневно и довольно искренно.

На основании сказанного можно утверждать, что во «Дне опричника» и «Сахарном Кремле» существуют не только эмоции, подлежащие гротескному построению и гротескному истолкованию, но и чувства первичные, традиционные – вполне искренние, чистые, структурно прозрачные.

4. Чувства негротескного типа

Настоящая, негротескная любовь усматривается, например, в отношении повествовательного Я к Москве, т.е. в частом упоминании московских площадей, улиц, бульваров, по которым ездит Комяга на протяжении своего «рабочего дня»: Красная площадь, Мясницкая, Лубянка, Ильинка, Рыбный переулок, Варварка, Спасские ворота, Якиманка, Тверская, Страстный бульвар… При этом подача московских локусов, как структурированного пространства, указывают не только и не просто на хорошее знание плана города, но и на интимно-чувствительное отношение к Москве и героя, и, должно быть, автора (Сверх-Я).

Истинную эмоцию читатель узнает в восхищении главного героя огромным русским пространством и дорогой, которая делает это пространство доступным: «И каждый раз, когда вижу – дух захватывает. Дорога! Мощная это вещь»: Китай, Казахстан, через Южные Ворота в Южной Стене нашей, потом через Россию-матушку и до самого Бреста. А там – прямиком до Парижа» (СОРОКИН 2008а: 123). Повествовательное Я как бы забывает, что оно горячий поклонник идеи закрытого Государства и постройки непреодолимой Великой Стены вокруг него. Вообще-то можно сказать, что для поэтики Сорокина очень характерно *чувство пространства*.

Несмотря на общий устрашающе-катаклизмический тон анализируемых романов, в них есть персонажи, сцены и целые главы, которые, несомненно, следует понимать как позитивные, т.е. как элементы или даже принципы, сохраняющие человеческое лицо изображаемого мира. В «Сахарном Кремле» такая позитивность наблюдается в главах «Марфушина радость», «Калики», «Петрушка», «Хаюпино» (там нет извращенной сексуальности, деструктивного эффекта наркотиков, прямых сцен наси-

лия и убийств), а во «Дне опричника» своеобразной позитивностью отличаются сцены встречи Комяги с Государыней, художественное исполнение баяна Артамоши, разговор Комяги с ясновидящей Прасковьей Мамонтовной, отношение девушки Анастасии к Комяге.

В данном контексте особо показательным являются противоречивые, парадоксальные чувства Комяги к жене Государя. В чувствительном опричнике смешиваются любовь и ненависть, робость и восторг: «Государыня наша в душе всегда *бурю* чувств вызывает. Описать их трудно. Как бы две волны цунами сталкиваются, сшибаются: одна волна ненависть, другая – любовь» (СОРОКИН 2008а: 172). Причина ненависти в том, что «Государя позорит [своей невоздержанной сексуальной склонностью к гвардейцам], веру народную во власть подрывает», а любовь главного героя заслуживает она «за характер, за силу и цельность, за непреклонность. И за… белую, нежную, несравненную, безразмерную грудь ее». Как видно, источником особого, почти мальчишеского восхищения является для Комяги именно женская грудь: «увидеть искоса грудь Государыни нашей… это восторг, господа хорошие!» (СОРОКИН 2008а: 172). Но нарративный субъект добавляет с иронией и автоиронией: «Одно жалко, что предпочитает Государыня наша гвардейцев опричникам. И предпочтение ее вряд ли переменится. Ну, да это – Бог ей судья» (СОРОКИН 2008а: 172). Кроме любви-ненависти, Комяга при встрече с государыней испытывает и чувство робости, что удивляет и его самого.

Сходный случай робости мы наблюдаем и при посещении Комяги ясновидящей Прасковьи (у которой он должен узнать, когда Государыня дождется в своей кровати очередного гвардейца): «Перед нею всегда какая-то робость в душе пробуждается. Я перед Государем так не робею, как перед Прасковьей» (СОРОКИН 2008а: 134). Когда же Комяга получил от ясновидящей информацию, нужную его Государыне, он, уходя, нерешительно собирается ставить последний, для него самый важный, фатальный вопрос. «– Все с тобой, голубь. Пшол вон. Все да не все. Последний вопрос. Не задавал я ей его никогда, а сегодня что-то пробило на него. Настрой серьезный. Собираюсь с духом. – Ну, чего еще тебе? – смотрит в упор Прасковья. – Что с Россией будет? Жду с трепетом. – Будет ничего.» (СОРОКИН 2008а: 141)

Эта трогательно-гротескная сцена – один из художественно самых удачных пунктов романа. Амбивалентные слова «будет ничего» ничуть не хуже славного изречения древнегреческой жрицы Пифии насчет исхода предстоящего сражения: «Ibis redibis numquam peribis in bello» («Ты пойдешь, ты вернешься, никогда не погибнешь на войне» / «Ты уйдешь, ты никогда не вернешься, на (войне) ты погибнешь»). Дело в том, что быстрый, игриво-безбрежный ответ Прасковьи: «Будет ничего» можно понять в двух противоположных смыслах: 1) «С Россией будет все нормально» и 2) «Россия превратится в ничто»…

Как видно, в психологическом портрете главного персонажа можно указать на ряд, условно говоря, положительных черт. Во всяком случае, несомненным кажется одно: вряд ли Комягу надо считать «отрицательным» героем, несмотря на гротескно-дистопический мир, в котором он занимает одну из центральных ролей. Андрея Даниловича характеризует своеобразная мягкость, неуверенность, чувствительность, верность, надежность, заботливость, самокритичность, запуганность и даже женскость-женственность.

В то же время читатель встретит в романе и случаи глубокой, самоотверженной, настоящей дружбы, например, когда прима Большого театра Ульяна Сергеевна Козлова умоляет опричника о заступничестве за свою подружку. Еще более впечатлительной является женская храбрость и стойкость столбовой дворянки, которая без страха, с достоинством дамы выражает свою обиду на опричнину и государственную систему, казнившую ее отца-изменника и сославшую ее, вместе с семьей, в Сибирь. Когда в аэропорту, дожидаясь самолета, «столбовая» смотрит патриотический фильм «Великая Русская Стена», между нею и Комягой проходит обмен следующими репликами: «– Сударыня, вам нравится эта фильма – Чрезвычайно, господин опричник. Вы спрашиваете по долгу службы? – Отнюдь. Просто в этой фильме много крови. – Вы полагаете, что русские женщины боятся крови? – Женщины вообще боятся. А русские… – Господин опричник, благодаря вам русские женщины давно привыкли к крови. К малой и большой.» (СОРОКИН 2008а: 118)

Комяга из этого короткого разговора делает весьма реальный и существенный вывод: «И ведь таких людей после всего – сотни сотен. А с детьми да с мужьями и женами – тысячи тысяч. А это сила уже не малая, учета требующая» (СОРОКИН 2008а: 120).

5. Физиология чувств

Следует обратить внимание на еще один аспект проблематики, о которой здесь идет речь: чувства и эмоции исходят изнутри, но они, как правило, свое выражение ищут и находят в органах человеческого тела, иначе – в физиологии.

У Сорокина, вообще-то, довольно много «физиологии», особенно в тех случаях, когда на эмоции воздействуют наркотики, секс, баня, еда, акты насилия. Каждая из этих тем заслуживает особое исследование, но здесь я подчеркну лишь факт, что эмоции и чувства, стремясь выйти наружу, могут активизировать практически все тело.

Русская баня, например, – большая тема великорусской, а также украинской и белоруской культуры и литературы. Она – эта тема – самым прямым образом связывает, например, киевскую летопись «Повесть временных лет» и московский роман «День опричника». Показательна в данном контексте реакция Комяги на «предвкушение бани»: «сердце спо-

лохнуло», «заколотилось сердце» или: «Сердце бьется в предвкушении. Сладки, ох и сладки эти удары!» (СОРОКИН 2008а: 187). Ожидание усиливает физиологическую реакцию тела: «Едва вхожу я туда – сразу запах банный в ноздри шибает! И от запаха того голова кружится, кровь в висках молоточками серебряными стучит: Баня Бати! – Спускаемся по каменной лестнице полутемной вниз, вниз. Каждый шаг туда – подарок, ожидание *радости*» (СОРОКИН 2008а: 187).

Еще более интенсивными и богатыми являются эмоциональные эффекты от наркотиков. Принятие наркотиков может само по себе привести к тем же эффектам, что и самые сильные эмоции: пальцы дрожат, колени подкашиваются, сердце стучит, кров ломится в виски… От таблетки «бьется сердце, перехватывает дыхание, холодеют кончики пальцев», а вдобавок чувствуется и «толчок крови в уд» (СОРОКИН 2009а: 198–199). Удовольствие от наркотиков «подобно лишь наслаждению прародителя нашего Адама в кущах райских, когда вкушал он плоды невиданные, для него одного седобородым Саваофом созданные» (СОРОКИН 2008а: 89). Экстатическое же наслаждение получается от совмещения опиатов и опричного группового секса: «Неописуемо. Потому как божественно» (СОРОКИН 2008а: 203). Высококачественные наркотики в жизни опричника – «радость золотая». Они открывают «Миры Великие, Прекрасные, Потрясающие»; от них «воспрянет ото сна мозг мой» и устремит его «вверх, вверх, вверх!» (СОРОКИН 2008а: 88–90). Кроме того, наркотики дают возможность участникам сеансов создавать общую – коллективную – парареальность, в которой эти наркоманы-участники играют весьма активную и креативную роль (ср. СОРОКИН 2008а: 91–98; 2008б: 268–291; НЕВРЯНОВИЧ 2012).

А. М. Лобин, исследователь «Дня опричника», хорошо отметил связь физиологических актов и соответствующих ощущений и эмоций: «Механизм перехода телесной чувственности в своеобразную духовность и последующая обратная ее редукция в элементарные физические ощущения изображаются автором неоднократно» (ЛОБИН 2017: 112). Из сказанного следует, что у Сорокина открывается возможность разграничения естественных эмоций, проистекающих от различных жизненных ситуаций, а с другой стороны – искусственных или искусственно порождаемых эмоций, проистекающих, напр., от наркотиков, лекарств, алкоголя, т.е. таких, которые приходят из сферы парареальности. Парадокс состоит в том, что и реальные и парареальные эмоции *одинаково реальны* – в соответствии с фрейдовским соображением: «Если во сне я напуган разбойниками, то разбойники, правда, воображаемы, но страх реален» (FREUD 1969: 112).

6. Групповые и фольклорные чувства. Народ

Кроме индивидуальных эмоций, которые в большинстве случаев связаны с повествующим Я и о которых до сих пор в основном шла речь, в романе «День опричника» надо отметить и слой *общенародных* или *фольклорных* чувств, которые свое выражение находят в фольклорных жанрах. В языковом и эмоциональном плане тут можно говорить о своеобразном инфантилизме или детском сознании. Тем не менее, массовая психология и массовое сознание, как генераторы массовых идей и массовых эмоций, находят свою материализацию в таких крупных психосоциальных формах, как Народ, Религия, Язык, История, Традиция, Культура, а также, не на последнем месте, Государство. В своих романах, в частности во «Дне опричника», Сорокин амбициозно и удачно соединил с Государством, понятым как воплощение Власти, другие компоненты народного бытия, упомянутые выше.

Не надо забывать, что на этом общем фоне надо рассматривать и важный структурно-психологический фактор данного романа – напряжение между отдельной человеческой личностью, и Властью-Государством. «День опричника» – это сжатая, художественно-гротескная переоценка основ великорусской идентичности. Но сразу же надо добавить: за гротеском, как основным конструктивным принципом романа, кроется более глубокий идейно-эмоциональный слой, проявляющий себя не только и не просто в апокалипсическом страхе перед будущим России, но и в своеобразном заговоре-предотвращении дистопического содержания романа.

Надо сказать, что в постройке гротескного каркаса романа принимают активное, плодотворное участие и многочисленные фольклорные жанры. Мы уже видели, что в данном аспекте особенно выделяются пословицы и поговорки. Здесь надо отметить, что наряду с настоящими пословицами и поговорками в романе встречаются и собственно сорокинские парапословицы и парапоговорки: «На крови – все как на маслу пройдет», «Кто курит табачок, тот Христов мужичок», «Крепче спят банщики опричные, дольше живут», «Розга с жопой дружат, государству служат», «Изящная словесность – это тебе не мотоцикл» и др. Интерес Сорокина к данному жанру проявился и в том, что он в 2020 г. издал книгу под названием «Пословицы и поговорки русского народа». В связи с этим надо отметить, что пословицы и парапословицы, собранные в данном сборнике, теряют много от своей изначальной семантической и художественной ценности в тех случаях, когда они обособляются и вырываются из своих первоначальных контекстов – романов и рассказов. Во «Дне опричника» они, как уже отмечено, отлично выполняют роль гротескно-критического изображения русской реальности 2028 года. Но их «народная» сущность превосходит временные рамки и указывает на «константы» русской культуры (СТЕПАНОВ 2004). Именно критическое изображение таких «констант» и является фокусом сорокинских художественных конструкций.

Сходную роль играют у Сорокина и другие фольклорные жанры – былины, исторические песни, волшебные сказки, частушки, загадки, анекдоты, колыбельные.

Меньше всего идею гротескного мира поддерживает у Сорокина жанр заговора, который как бы нарочно появляется чаще всего в речи положительных героев, таких как ясновидящая Прасковья во «Дне опричника» или скоморох-лилипут Петрушка в «Сахарном Кремле». У такого рода персонажей – «народных» и «положительных» – другие использующиеся ими фольклорные жанры также подрывают идею гротескного мира. Иначе говоря, в таких случаях позитивный гротеск эффектно выступает против негативного гротеска.

С точки зрения гротескного моделирования эмоций, когда гротеск распространяется и на Литературу, показательным оказывается следующий диалог между опричником Комягой и его шефом Батей. Батя спрашивает: «Слушай, Комяга, а чего этот Олегов всегда с такой печальной харей? У него что – зубы болят?» Комяга отвечает: «Душа у него болит, Батя. За Россию». А на вопрос Бати, что этот писатель написал, Комяга приводит заглавие самой важной книги Олегова, председателя Писательской Палаты: «Русская печь в XXI веке». И добавляет: «Увесистая штука. Я до конца не осилил…» (СОРОКИН 2008а: 59). Последующий комментарий Бати, с одной стороны, наивно-комичен, но, на самом деле, он гротескный, поскольку это мнение человека власти: «Печь – это славно… – задумчиво вздыхает Батя. – Особливо, когда в ней пироги с печенкой» (СОРОКИН 2008а: 59). Следует добавить, что у Сорокина мы находим пародирование, парой злое, не только современных русских литераторов, но и русских классиков – Достоевского, Толстого, Чехова, Маршака, Есенина, в частности Маяковского. Такого рода пародирование можно понимать как «старую поэтику в новой» или как «осознанную поэтику вторичности» (см. VOJVODIĆ 2012: 65–86), причем надо учитывать, что и «старое», и «вторичное», вместе взяты, указывают на безвыходность, бесперспективность, безнадежность российского мира, каким он представляется Владимиру Сорокину в начале XXI века…

Но и народ, в свою очередь, реагирует на поступки Власти: пасквилями, массовыми протестами, тайными анекдотами, заговорами. Симпатичный пример реакции такого рода мы находим в скоморошьем заговоре лилипута Петрушки, который в «Сахарном Кремле», чувствуя себя обезопашенным меж стен своей квартиры на периферии Москвы, ворчит перед голограммой Государя, перечисляя в своем *заговоре* разные элементы жизни и быта самых низких слоев общества: «Есть подарок для Вашей царской милости от болотной гнилости, от медной ступы, от конской залупы, от кошачьей сраки, от хромой собаки, от голодной бляди, от больного дяди, от мясной колоды, от сырой погоды, от битой рожи, от рваной одёжи, от ползучего гада, от ядерного распада, от гнилого крыльца, от клейменного молодца, от худого лукошка да от меня

немножко. – Он наклонился, выставив свой сухонький зад прямо перед спокойным лицом государя» (СОРОКИН 2008б: 167). Тем не менее, и сам Народ, который в катаклизмическом мире Сорокина играет, как можно предположить, положительную роль, иногда ведет себя так же гротескно, как и опричники. Примером может послужить случай, когда на Красной площади вся страна, «по призыву Государя», массово сжигала свои заграничные паспорта, отрекаясь таким образом от прежней государственной системы: «Горел тот костер почти два месяца» (СОРОКИН 2008а: 137).

7. Заключение

Несмотря на то, что в романах и рассказах Сорокина ставятся под знак вопроса все высшие ценности Народа – Россия, История, Православие, Фольклор, Литература, и даже сам Народ, – у писателя незыблемыми остаются Язык (русский) и Чувства (русские). «День опричника» – это рентген «русской души», где гротескный костяк не должен заслонить языковое мастерство и серьезную эмоциональную занятость писателя. Кажется, этого достаточно, чтобы компенсировать отсутствие катарсиса. Поэтому критики, историки и теоретики литературы должны воспринять произведения Сорокина одновременно и как органическое продолжение русской литературы XIX и XX веков, и как критическую переоценку предыдущих литературных эпох – с точки зрения уже продвинувшегося XXI века…

Литература

ГРОЗНЫЙ 1951 = Послания Ивана Грозного. Москва – Ленинград: Издательство АН СССР, 1951.

ЛОБИН 2017 = ЛОБИН А. М. Концепция истории В. Сорокина и ее художественная репрезентация в повести «День опричника» // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика, 2017. том 17, № 1. 109–113. DOI: 10.18500/1817-7115-2017-17-1-109-113

НЕВЯРОВИЧ 2012 = НЕВЯРОВИЧ Н. Художественные конструкции футурологического гротеска в антиутопии В. Сорокина «День опричника» // Південний архів. Філологічні науки зб. наук. праць. Вип. 56. Херсон: Вид-во ХДУ, 2012. 66–72.

СОРОКИН 2006 = СОРОКИН Вл. Опричнина – очень русское явление. Интервью В. Сорокина Б. Соколову // Грани.Ру от 01.11. 2006 г. https://srkn.ru/interview/bsokolov.shtml

СОРОКИН 2008а = СОРОКИН Вл. День опричника. Москва: Захаров, 2008.

СОРОКИН 2008б = СОРОКИН Вл. Сахарный Кремль. Москва: АСТ, Издательство Астрель, 2008.

СТЕПАНОВ 2004 = СТЕПАНОВ Ю. Константы. Словарь русской культуры. Москва: Академический проект. Издание 3-е, исправленное и дополненное. 2004. Статья «Тайная власть». 632–639.

FREUD 1969 = FREUD S. Tumačenje snova (Preveo Albin Vilhar). Novi Sad: Matica srpska, 1969
GÜNTHER 2003 = GÜNTHER H. Mudri otac Stalin i njegova obitelj. Na materijalu Vertovljevih i Čiaurelievih filmova // Aleksandar Flaker i Josip Užarević (ur.). Vizualnost. Zagreb: Filozofski fakultet, Naklada Slap, 2003. 583–602.
UŽAREVIĆ 1991 = UŽAREVIĆ J. Kompozicija lirske pjesme (O. Mandeljštam i B. Pasternak). Zagreb: Zavod za znanost o književnosti Filozofskoga fakulteta u Zagrebu, 1991.
UŽAREVIĆ 2020 = UŽAREVIĆ J. Ruska književnost od 11. do 21. stoljeća. Zagreb: Disput, 2020.
VOJVODIĆ 2012 = VOJVODIĆ J. Tri tipa ruskog postmodernizma. Zagreb: Disput, 2012.

Feelings of the Oprichnik. The article examines the types of feelings in two novels by Vladimir Sorokin – "Day of the Oprichnik" and "The Sugar Kremlin". There are feelings of grotesque and non-grotesque origin. In Sorokin's works, all traditional national values are questioned, except for language and feelings.

Keywords: V. Sorokin, Day of the Oprichnik, The Sugar Kremlin, emotions

Josip Užarević, Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti,
Razred za književnost. Zagreb
E-mail: juzarevic@ffzg.unizg.hr